

"Обнаженный (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

«Обнаженный» написан от первого лица — Блейка, включает главы из первых двух книг серии «Банкир миллиардер» — «Его собственность» # 1 и «Сорок 2 дня» # 2, и предназначен в первую очередь для тех, кто уже читал эти книги или собирается прочитать, также включает тизеры последующих двух книг, «Одурманенная» # 3 и «Соблазни меня» # 4.

Содержание

Встреча Блейка с Ланой в банке

Глава 1

Глава 2

Блейк знакомится с Сорабом

Блейк видит Руперта, дотрагивающегося до Ланы на вечеринке

Интервью Блэйка Лоу Баррингтона

Одурманенная # 3

Соблазни меня # 4

1

2

Встреча Блейка с Ланой в банке

Глава 1

Целый гребанный год я ничего не слышу о ней.

Она вылетает из аэропорта Хитроу вместе с матерью, приземляется в Тегеране и потом... Следы теряются среди холодных камней, и это шокирует меня до глубины души. Легкость, с которой женщина может войти в Иран, надевая невзрачную серую свободного кроя одежду, и просто исчезнуть, став полностью невидимой. Без всемогущих щупалец Центрального банка в этой стране у меня нет возможности отслеживать любую ее финансовую активность. Единственной зацепкой был счет в швейцарском банке, но он был зарегистрирован и на нем не происходило никакого движения средств, пока в один прекрасный день не был опустошен полностью и закрыт.

После этого от нее не осталось ничего, только воспоминания и боль. Боль была настолько сильной, я даже никогда не мог представить, что такое возможно.

Иногда, особенно в начале ее побега, когда я еще не испытывал ненависти к ней, я представлял ее укутанной в чадру в пустыне. Она всегда хотела туда вернуться. Мои мечты о ней больше были окрашены романтикой. В этих мечтах мы, прижатые друг к другу, медленно путешествовали по барханам под безмятежным палящим солнцем, на единственном верблюде, и только бурдюк с водой разделял наши тела друг от друга. В моих мечтах все было прекрасно: покачивание верблюда — прекрасно. Ее движения — превосходны. Наши — восхитительны.

И я просыпаюсь, понимая, что опять окунаюсь в реальность, во все это дерьмо.

В тот день, я с головой погружаюсь в работу. В ночное время я прочесываю город, подыскивая кого-нибудь похожего на нее, кого-нибудь, кто бы заискивал и находился на дне ночной жизни - на мгновение забываясь между ног незнакомок. Но это не в состоянии заполнить пустоту и ужасную тоску по ней.

Я хотел нас двоих на одном верблюде.

У меня начались бесконечно повторяющиеся фантазии, как она однажды приходит в мой офис, Лаура спрашивает ее, и открывает мою дверь. Я встаю в полном шоке. Она направляется ко мне, покачивая бедрами, как шлюха. Одета, как в тот первый вечер, когда мы встретились, обходит вокруг стола, скидывая все мои бумаги на пол и садится на стол лицом ко мне. Ногой она отодвигает мой стул чуть-чуть подальше от себя. Потом она поднимает сведенные ноги вместе, словно девушка из пансиона благородных девиц, готовящаяся выйти из машины и продвигает свою задницу дальше по столу. Я наблюдаю за ее пристальным ненасытным взглядом, так, и я это знаю точно, может смотреть только она, опираясь на руки и откидываясь назад, широко разводит ноги. Мои глаза скользят вниз. Открыта - с поблескивающими соками на ее складках.

— Опусть свой рот на них, — командуют ее красные губы. — Я умираю от желания, высоси меня.

Но абсолютно верно то, что говорят философы: любовь и ненависть являются двумя концами одной и той же нити. Ты любишь кого-то, но он лжет тебе, и ты начинаешь любить меньше, когда он обманывает, ты любишь еще меньше, и так постепенно ты двигаешься по этой нити к другому концу до тех пор, пока не приходишь к ненависти. Также и я двигался к другому концу по этой нити.

Я ненавижу эту женщину, которая совершенно очевидно является для меня, моим адом, это ясно, как день, но я не могу отпустить ее. Она обманула меня, нанеся удар, когда я лежал, причем в прямом смысле, довела до того, что встал на колени. Никто не мог заставить меня встать на колени. Никогда. Если я не накажу ее... предательство будет преследовать меня бесконечно. Я твердил себе быть мужчиной и изображать сильного, решительного. Я должен получить все сполна.

Около трех дней назад на экране компьютера загорелся маячок, несколько секунд я тупо смотрел на него, мой ум был полностью пуст. Кровь бешено пульсировала и мчалась по моим венам и мышцы на лице снова слегка задвигались, губы изогнулись... в улыбке.

— Попалась.

Я слышу приближающиеся шаги по коридору, мое сердце пускается вскачь. Испытываемое мной волнение увидеть ее опять настолько сильное, что оно несказанно удивляет меня. Но я ненавижу то, что она предала меня. Чрезвычайно. Теперь речь идет исключительно о чистой

мести, а конкретно, я хочу получить то, что мне задолжали. Я кладу свои ладони на стол. Я хочу быть хладнокровным и контролировать ситуацию. Я не хочу, чтобы сука испытывала удовлетворение, узнав, что она заставила меня сильно страдать. Шаги останавливаются прямо перед дверью. Я делаю глубокий вдох. «Она ничто», — говорю я себе. — «Она просто хотела от меня денег».

И мое лицо превращается в бесчувственную маску.

Я останавливаю мои необузданные мысли.

Краткий стук и дверь открывается.

И... И все ужасные слова, которые сохраняли меня в здравом уме — проститутка, шлюха, охотница за деньгами, сука — превратились, словно в мыльные пузыри, которые растворились в воздухе. Я не могу вспомнить ни одного. Она может быть проституткой, шлюхой и золотоискательницей, но она моя. Моя шлюха, моя сука, моя охотница за деньгами.

Черт, я уже испытываю непреодолимое желание увидеть ее голой. Я хочу содрать этот уродливый костюм, который она надела, расплатать ее на столе и трахать до тех пор, пока она не начнет кричать. Это вторая часть моей фантазии.

Она идет ко мне с широкой улыбкой, лживой, которая меня раздражает. Это больно. Очевидно, она не страдала так, как я. К счастью, ее улыбка испаряется, как только она видит мое лицо. Ее щеки заливаются румянцем, а рот открывается. «Вот это мне больше нравится, дорогая. Папочка здесь, вернулся, которому ты задолжала. Ты забыла, никто не смеет обманывать Папу». На ряду с тем у нее по-прежнему отражается сильное выражение шока, и она так и продолжает стоять, открывая и закрывая рот, словно золотая рыбка, которую случайно выкинуло на сушу, я внимательно окидываю ее взглядом. Какой худенькой она стала, такой же, как голодающие африканские дети. Никто не должен быть таким худым.

Служащая, которая привела ее сюда, закрывает дверь. Время взять контроль в свои руки.

— Привет, Лана, — говорю я, оставаясь сидеть за столом. Мой голос звучит... уверенно. Воодушевившись, я добавляю больше слов. — Присаживайся, — приглашаю я. Это тоже, с удовлетворением отмечаю я, выходит хорошо.

Но она не двигается. Она продолжает стоять беззвучно открывая и закрывая рот, пытаюсь что-то произнести. Я вижу, как она сглатывает и возобновляет попытку.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она еле слышно.

— Рассматриваю твою заявку на получение кредита.

Она хмурится.

— Что?

— Я здесь, чтобы рассмотреть твою заявку на кредит, — терпеливо повторяю я. Я наслаждаюсь ее чертовым ртом, теперь элемент неожиданности полностью на моей стороне.

Она качает головой.

— Ты здесь не работаешь. Ты не рассматриваешь маленькие кредиты.

— Я здесь, чтобы рассмотреть твой.

— Почему? – какие-то мысли появляются у нее на уме, она вдруг переходит к решительным действиям. — Таким образом, это означает, что ты можешь отклонить? Не беспокойся. Я знаю, где выход, — говорит она с жаром и начинает поворачиваться к двери.

Я мгновенно оказываюсь на ногах, отодвигая свое кресло далеко позади себя.

— Лана, подожди.

Она неуверенно и раздумывая окидывает меня взглядом сверху донизу.

— Скорее всего я единственный во всей банковской сфере, кто в состоянии одобрить твой кредит.

Она продолжает пристально смотреть на меня.

— Сядь, пожалуйста, — продолжаю я, теперь уже более решительно.

Ошеломленный она смотрит на два стула, стоящих перед моим столом, но не двигается.

— Как ты узнал, что я буду здесь сегодня?

Я объясняю ей о модном маленьком софте, который позволил поставить маячок напротив ее имени и даты рождения, с помощью которого можно наблюдать за объектом по всей банковской системе.

Она хмурится, но ничего не отвечает.

Мне необходимо найти с ней общий язык, шок по-видимому сильно потряс ее.

— Все деньги ушли с Швейцарского счета?

Она рассеянно кивает.

— Но почему ты здесь?

— По той же причине, как и прежде.

— Для секса.

И в этот момент я теряю голову.

— Секса? – с шипением произношу я, моя челюсть плотно сжимается. — Боже, у тебя других идей нет, не так ли? — Я обхожу вокруг стола и двигаюсь к ней. Честно говоря, в этот момент мне хочется придушить ее. Как легко она произнесла это слово, занижая всю мою невыносимую боль, и не проходящее страстное желание иметь ее, превращая все в полную бессмысленность. Она продолжает пялиться на меня почти испуганно. Я останавливаюсь в полушаге перед ней, и чувствую, как электричество между нами потрескивает. Я делаю еще один шаг, и мы оказываемся в паре дюймов друг от друга, и вдруг я чувствую ее запах, делаю вдох. *Что за...?*

Детская присыпка!

Боль не может еще больше распалить мое воображение, поддавшись самому дорогому для меня ее запаху. словно змея, свернувшаяся кольцами, вожделение начинает раскручиваться внизу моего живота, и яд от него выплескивается в мою кровь. Я хочу, чтобы ей было так же больно, как и мне. Я быстро закрываю глаза, но она уже заметила эрекцию моего желания. Впервые с тех пор, как она вошла в эту комнату, ее кожа становится нормального цвета.

Она тянет дрожащую руку ко мне.

Моя реакция мгновенна и неконтролируемая.

— Нет, — жестко шиплю я. Я не позволю ей иметь превосходство над собой. Теперь будет все, по-моему. И не существует никакого другого пути для этой маленькой птички.

Шокировано от моей жестокой реакцией, она убирает руку. Я вижу осознание произошедшего в ее глазах. Теперь она знает, что нанесла мне ущерб. Ее лицо испещряется морщинками, наполняясь страданием, как будто она «запала на меня». Какая актриса.

— Пожалуйста, — шепчет она.

Она настолько эмоционально произносит это, и я удивлен насколько сильно, хочу поверить, что это не очередное притворство с ее стороны. Моя ничтожная слабость раздражает меня. Я наклоняю голову к ее лицу, ее глаза прикованы к моим губам. Что она вспоминает? Вкус меня?

— Непорядочная маленькая Лана, — бормочу я, так близко к ее шее, что, если высуну язык, то смогу лизнуть нежную кожу. Я скольжу рукой вниз по гладкой шеи, ее кожа, как шелк. Я позволяю своим пальцам обернуться вокруг — такой стройной, такой хрупкой. Я слышу, как она резко втягивает воздух. Я медленно скольжу под воротник ее дешевой блузки.

Она начинает дрожать, я не обращаю внимания. Вместо этого я сосредоточен на своих пальцах, которые расстегивают пуговички, одну за другой. Я отодвигаю ворот так, что ее горло, грудь, и кружевной верх лифчика теперь видны. Желание сорвать с нее эту одежду настолько сильное, я прилагаю большое усилие, чтобы противостоять ему. Я хмурюсь. Да, она очень красивая, но у меня было полно других очень красивых женщин, почему именно эта женщина оказывают такое сильное воздействие на меня? Даже знание, кем она теперь является на самом деле, ничего не меняет. Утрата полного контроля над собственными импульсами заставляет меня чувствовать себя уязвимым и беззащитным. Это было похожем, как провалиться назад в никуда. Я ненавижу эти ощущения. Я никогда не позволю ей увидеть мою слабость. Я одеваю на себя маску хладнокровной ярости, она быстро еле заметно выдыхает. Я улыбаюсь собственнической улыбкой, потому что понимаю, что в этом не изменилось ничего.

— Ты была гораздо толще, когда втиснулась в то маленькое оранжевое платье и туфли трахни меня и отправилась на поиски денег. Посмотри на себя сейчас, ты напялила на себя мужской пиджак. Двести тысяч, а ты даже не купила себе хороший костюм.

Досадливо говорю я:

— А это..., — поднимаю руку к ее волосам. — Этот безобразный пучок. О чем ты думала? — спрашиваю я мягко, выдергивая заколки из ее волос, и бросая на синий ковер. Ее волосы, словно шелковый занавес, падают вниз. Красивые. Я тянусь назад, вытаскивая из коробки бумажную салфетку, и начинаю вытирать помаду цвета дикая слива. Я не тороплюсь, разрешая ей томиться от моих действий, и бросая окрашенные салфетки прямо на пол.

— Так-то лучше.

Она беспомощно смотрит на меня, и думает, что? Что это видимо мое прощение.

— Оближи свои губы, — приказываю я.

— Что? — она смотрит в ужасе от холодного тона, и еще наэлектризованный сексуальный жар, чувствуется в ее теле, вызванный моим приказом. Словно превосходно настроенная гитара, сексуальное напряжение ее тела под стать моему, я чувствую такое же желание, рябью исходившее от нее.

Мы играли в эту игру раньше, и оба знаем, куда она приведет.

Моя челюсть выпячивается вперед, становясь каменной.

— Ты слышала.

Кончик ее маленького, розового язычка высывается, и я с запоем наблюдаю, за его путешествием.

— Вот так-то лучше, меркантильная сука, — говорю я, грубо хватая ее за волосы. Они точно такие же, как я их запомнил, мягкие и шелковистые. Год ожидания. Сука! Я дергаю и оттягиваю ее голову назад. Она задыхается от ужаса, но ее глаза широко раскрыты, в них не видно страха, только невинность. Черт побери тебя, Лана. Ты сама в этом виновата. У нас был договор, и ты обманула меня. И что, за гребанное письмо, что ты ушла к другому? У тебя даже не было порядочности подождать, пока я выйду из больницы. Я готов был умереть за ее беспокойство обо мне. Я ожидал лучшего от дешевой шлюхи, но именно это и задевает больше всего: она не беспокоилась обо мне.

Теперь у меня только месть. Другая же часть моего мозга смеется, сообщая: «Ты проиграешь эту битву, чувак».

И как бы в противовес этой мысли, у меня возникает мощное желание поцеловать ее, этот поцелуй ничего не будет значить для меня, всего лишь способ посмотреть ее реакцию. Я не позволю себе вляпаться в это опять. Я нападаю грубо на нее, больно, жестоко, намеренно вредя ее мягкие губы, мой рот становится таким диким, что она издает сдавленный, беззвучный крик. Этот звук возрождает во мне дикого зверя, и я сторонюсь, давая ему возможность насытиться. Жгучее желание причинить ей боль, и моя месть берет верх надо мной. Давая ей понять, что я уже не являюсь тем мужчиной, который был когда-то раньше, перед тем, как она предала меня.

Я чувствую ярость своего поцелуя: кровь!

На самом деле, Блейк? Но я не могу остановиться. Не могу совладать со своими эмоциями, не могу устоять перед ней, и не могу жить без нее. Я не позволяю себе ощущать больше никаких эмоций.

Слетевший стон с ее губ, влияет на меня так, что я даже раньше не знал, способен ли на такое. Он почти заставляет меня забыть о тщательно продуманных планах, и чуть ли не взять ее на полу этого серого унылого офиса. Влияние этой женщины на меня умопомрачительно, у меня ощущение, словно с меня содрали кожу и дикий голод. И совершенно неважно, что она делает или кем она является, я хочу ее. Все, что я жажду, это находится глубоко внутри нее, но я не дармовой Баррингтон, которого можно поиметь за панюшку табака. Годы, оттачивания

железного контроля, приходят мне на помощь. Одному из нас будет причинена боль и на этот раз, это буду не я.

Ее руки тянутся вверх, пытаюсь оттолкнуть меня, но они упираются в мою каменную грудь, и словно обладая своим разумом, раздвигают лацканы моего пиджака и пытаются расстегнуть рубашку. О, я узнаю этот жест. Чистое подчинение. Она моя. Я могу сейчас делать с ней все, что угодно. Но я хочу большего, чем просто сексуальное подчинение. У меня есть план, и я собираюсь его осуществить.

Мой поцелуй становится более нежным. Мгновенно ее тело ощущает победу и пытается прижаться ко мне ближе, но я продолжаю больно удерживать ее за волосы, не ослабевая сильной хватки. Я не должен позволять ей прижиматься ко мне, потому что и так нахожусь на опасной территории. Одно неверное движение, и я провалюсь в ее расставленные сладкие силки снова. Она пытается прижаться бедрами к моему паху. Этого нельзя допустить, иначе это выдаст меня с головой.

Я небрежно отстраняюсь от нее, словно только что принял участие в бессмысленной встрече, или познакомился с новой культурой. С той же поддельной, без эмоциональностью я отпускаю ее и небрежно облакачиваюсь на свой стол, сложив руки на груди, и с величайшим удовлетворением наблюдаю за ней. Это моя территория, и я здесь главный. На этот раз, сладкая Лана...

Она возбужденная стоит передо мной, ее грудь часто вздымается, а руки сжаты в кулаки и пытается восстановить свое хладнокровие.

Я улыбаюсь — первый раунд за мной.

Молча она делает два шага вперед, и дотрагивается до пульсирующей вены у меня на шеи. Я цепенею, чувствуя ее кожу на своей. И возникает такое чувство, как будто мы оба соединились во что-то одно целое, продолжая смотреть друг другу в глаза. Трахнуть ее.

Несмотря на то, что она прочитала по моим глазам, это еще не конец, впереди второй раунд.

— Это всего лишь секс, и я хочу увидеть тебя распадающейся подо мной? — горько спрашиваю я.

Ее лицо изменяется, словно из нее выкачали весь воздух. Эта женщина явно заслуживает Оскара. Она убирает свою руку от моего горла.

— Что ты хочешь, Блейк?

— Я хочу, чтобы ты завершила свой контракт.

Она закрывает лицо руками.

— Я не могу, — шепчет.

— Почему нет? Потому что ты взяла деньги и убежала, пока я лежал на больничной койке.

Она глубоко вздыхает, но не поднимает глаза. Виновна по всем пунктам.

— Начнем с того, что я очень страдал, — говорю я, как можно более безразлично. Я не хочу давать ей повод чувствовать силу, которую она имеет надо мной.

Она встречается с моими глазами, и ее рот открывается в удивленную сладкую букву О.

— Ты страдал?

— Забавная штука, но да.

— Я думала, что для тебя это был просто секс и ничего больше, — бормочет она.

— Если ты хотела денег, почему не попросила у меня? — мой голос звучит сурово.

— Я... — она качает головой.

— Ты совершила серьезный просчет, не так ли, Лана, любовь моя. Горшок меда находится здесь, — я указываю на свою грудь.

Она просто смотрит на мою руку.

— Но не беспокойся, еще не все потеряно, — говорю я с сарказмом. - В банке есть еще деньги.

Как и ожидалось, ее взгляд тут же поднимается вверх к моим губам.

— Ты сделала мне одолжение, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал отстраненно, но он получается с горечью и страданием, — открыла мне глаза. Теперь я вижу, кем ты была.... Я был ослеплен тобой, и совершил классическую ошибку, влюбившись в иллюзию чистоты и невинности.

Она продолжает непонимающе смотреть на меня.

— Если бы я не купил тебя в тот вечер, ты бы пошла с кем-нибудь еще, не так ли? Ты не достойна восхищения, ты отвратительна.

— Так почему же тогда, ты хочешь, закончить контракт со мной? — спрашивает она вздохнув.

— Я, как наркоман, который знает, что его наркотик — это яд. Он презирает его, но он не может противостоять. Я перед тобой совершенно честен, я ненавижу себя за это. Мне стыдно, что я испытываю потребность в тебе.

— ...Люди, которые заплатили мне...

— Они ничего не могли сделать. Моя семья...

Она перебивает меня.

— Как насчет Виктории?

И вдруг я чувствую такую злость. Какое черт побери отношение Виктория имеет ко всему этому? Это отношения только между мной и ей. Кроме того, я хорошо отношусь к Виктории и чувствую определенную вину за боль, которую причинил ей. Меня удивил ее шок, вызванный моим желанием, разорвать нашу помолвку. Я думал, что она собирается выйти за меня замуж, по тем же причинам, что и я — объединение, безопасность и преемственность наших семей — но на самом деле, она выходит замуж, потому что влюблена в меня. Если уж, на то пошло, степень ее страсти волнует меня мало, если не сказать, что вообще не волнует. Брак по расчету работает только лишь в том случае, когда обе стороны демонстрируют схожие интересы. Я не хочу думать сейчас именно об этом, но правда состоит в том, что я не хочу

Викторию. И в этот момент я понимаю, что я никогда не смогу жениться на Виктории. Но сейчас мне предстоит решить наиболее важные свои проблемы: я не могу даже себе представить быть с кем-то другим, кроме ведьмы, стоящей прямо передо мной.

Зло я запрещаю ей когда-либо снова впутывать Викторию в наши отношения. Эмоции страсти уходят из ее глаз, и в течение какой-то секунды, мне кажется, промелькнувшее внутри ее глаз, начинает походить на ревность. И я пытаюсь ухватиться за эту возможность для манипулирования Ланой на преувеличенной верности Виктории. Я рассказываю ей, что Виктория была рядом со мной в мой худший период, в то время, как она смылась в Иран.

— И в один прекрасный день, — говорю ей я, — проснусь, и болезнь уйдет. А пока... ты должна мне 42 дня, Лана.

Она закрывает глаза и опускает голову.

— Назови свою цену, — резко требую я.

Она моментально поднимает глаза.

— Нет, — говорит она очень сильно и уверенно. — Ты не должен платить мне снова. Я завершу контракт.

— Хорошо, вернемся к бизнесу, — мимоходом замечаю я и сразу же отворачиваюсь. Я не могу позволить ей видеть, насколько я лую от ее капитуляции. Мне с трудом верится, что я смогу выиграть так легко. В моей голове совершается явно какой победный кульбит, пока я обхожу вокруг стола, и сажусь за него.

Глава 2.

Я сажусь в черное вращающееся кресло и открываю папку, лежащую передо мной.

— Итак, ты создаешь бизнес?

Она опускается в одно из кресел, стоящее напротив и рассказывает, что она и Билли решили начать свой бизнес. Я задаю соответствующие вопросы, но мои мысли находятся явно не здесь, где-то далеко, и мне совершенно не интересуют ее бизнес-план.

— Это напомнило мне твою маму. Как она?

К моему удивлению, ее лицо искажается от боли. Секунды стоит напряженная тишина.

— Она умерла.

Я подаюсь вперед, прищуриваясь от шока.

— Я думал, что лечение помогло.

— Лечение подействовало, — она с трудом выговаривает слова. — Автомобиль. Сбита машиной, водитель убежал.

— Я сожалею. Мне жаль это слышать, Лана, — и мне действительно очень жаль. Она была

хорошей женщиной и нравилась мне.

Она быстро моргает, пытаясь остановиться. Но, Боже мой, у нее начинают литься слезы. Она вскакивает, я тут же поднимаюсь. Моментажно, она выбрасывает руку вперед, останавливая меня, и чуть ли не бегом направляется к двери. Мгновенно моя ненависть испаряется, и все желание причинить ей боль рассыпается в пыль, я хочу помочь облегчить ее потерю, заключить в свои объятия и защитить. Я оказываюсь рядом и хватаю ее за руку. Она пытается освободиться от меня, но я только усиливаю хватку.

— Там есть мой личный туалет, — говорю я тихо, быстро открываю дверь и веду ее по коридору. Краем глаза я вижу, как слезы текут по ее щекам. Я открываю дверь в туалет, и она бросается внутрь, дверь закрывается прямо перед моим лицом.

Я стою, тупо смотря на эту чертову дверь, а затем слышу ее плач. Плач по своей матери. Поднимаю руку, чтобы толкнуть ее и войти внутрь, но понимаю, что не могу, поэтому делаю несколько шагов назад. И прислоняюсь к стене. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так рыдал. Я происхожу из семьи, где не принято выражать эмоции, особенно скорбь, которая так же тщательно контролируется, и проявляется в виде изящного жеста, поднесения носового платка к уголкам глаз. Когда умер дедушка, моя бабушка пила чай, и ей сообщили в тот момент, когда она подносила чашку к губам, она даже не остановила свое действие. Только сделав глоток чая, она произнесла: «Боже мой!» На похоронах никто, ни единственный человек, не пролил ни единой слезинки.

Не один раз я все же подхожу к двери, готовый войти во внутрь. Я хочу войти, но не могу, мои ноги отказываются входить в эту дверь. Во всяком случае, мне понятно, что она точно не хочет меня видеть, и очутись я там, будет небезопасно для меня самого. За несколько минут, проведенных в ее обществе, я уже чувствую себя полностью сбитым с толку и потерявшим весь здравый смысл. Какая-то женщина появляется в конце коридора, по-видимому, направляясь в туалет. Она несколько раз поглядывает на меня, и я рыкаю на нее. Да, это правда, я рычу.

Она разворачивается на сто восемьдесят градусов и убегает. Я смотрю на часы, прошло пять минут. Плач превратился в затяжные рыдания. Я по-прежнему стою у стены, сжимая кулаки в карманах брюк. Она скоро придет в себя. Внезапно рыдания резко прекращаются. Я подхожу к двери, которая слишком тонкая и поэтому слышу, как начинает литься вода из крана. Я делаю шаг в сторону и встаю, опять прислонившись спиной к стене, в нескольких шагах от двери, уставившись в пол. За этот прошедший год я словно умер внутри, сейчас же все мысли, желания и эмоции, словно проснулись и пытаются выхлестнуться из меня. Но все они выглядят какими-то странными, покрытыми грязью, словно когда уходит прилив, оставляя после себя мусор и тину, принесшую морем. Дверь открывается. Она выходит, ее блузка застегнута до верха шеи, глаза опущены. Она не хочет встречаться со мной взглядом.

— Ты в порядке?

Она кивает.

— Том отвезет тебя домой.

Очень медленно она поднимает на меня глаза, ресницы влажные от слез и слипаются, но она смотрит на меня в упор. Они соответствуют ее голосу. Высокому, ничем не сдерживаемого.

— Нет, — говорит она. — Давай закончим это кредитное дело.

Если бы она врезала мне пощечину, мне было бы гораздо лучше, чем сейчас.

Мы возвращаемся в кабинет.

Я опять сажусь за стол.

— Baby Sorab? - говорю я, просматривая ее анкету.

И что я вижу, у меня стынет кровь в жилах. Ее лицо не выражает ни единую эмоцию и полностью отчужденное. Как она может минутой раньше так рыдать, убиваясь по своей матери, и сейчас сидеть напротив меня с таким отсутствующим видом. Она небрежно пожимает плечами.

— Да. Мы думаем, что это хорошее название для нашего бизнеса.

— Почему детская одежда? — кажется любопытным, что две такие молодые девушки начинают такой бизнес.

— Билли всегда отличалась хорошим чувством цвета. Она может взять красный и розовый, соединить их вместе и сделать божественную вещь, и так, как у Билли ребенок, то в этом году мы решили сделать детскую одежду?

— У Билли есть ребенок? — хмурюсь я, для меня это полная неожиданность, я почему-то всегда думал, что она лесбиянка. И потом вдруг до меня доходит. Ну, конечно. Именно так и принято у них делать. Молодые девчонки рожают ребенка и начинают свои «отношения» с правительством, выделяющим им квартиру и получая при этом доход на ребенка в ближайшие восемнадцать лет!

— Да, красивый мальчик, — говорит она, и вдруг я нутром чую, ее ложь. Она говорит что-то еще, я отвечаю, но это всего лишь глупый спектакль. Я теряю всяческий интерес продолжать расспросы.

— Окэй, — говорю я.

— Окэй что?

— Вы получите кредит.

— Просто вот так?

— Есть одно условие.

Она становится очень спокойной и собранной.

— Ты не получишь деньги в течение следующих 42 дней.

— Почему?

— Потому что, — тихо отвечаю я, — в последующие 42 дня ты будешь существовать исключительно для моего удовольствия. Я планирую насытиться твоим телом до предела.

— Ты собираешься поселить меня снова в каких-то апартаментах?

— Не в *каких-то* апартаментах, а в тех же самых, в которых ты жила.

Она выпрямляется и смотрит мне прямо в глаза. У нее тоже появляется ряд условий, она

хочет, чтобы малыш Билли оставался в квартире четыре ночи в неделю. И еще она хочет, чтобы Билли и Джек, которого она называет своим братом, но я, блядь, прекрасно знаю, что он любит ее, тоже могли посещать ее в апартаментах. Мне не нравится ее требования, но я соглашаюсь с ними сейчас. Нет ничего из-за чего бы я не получил ее назад. Ребенок, конечно, может раздражать меня, но я не плохо отношусь к Билли. Джек представляет из себя другую проблему, но я разберусь с ним со временем.

Я напускаю на себя скучающее выражение.

— Что-нибудь еще?

— Нет.

— Хорошо. У тебя что-нибудь запланировано на завтра?

Она отрицательно качает головой.

— Прекрасно. Не занимай завтрашний день. Лаура позвонит, чтобы назначить для тебя необходимые встречи.

— Окэй, если больше ничего...

— Я провожу тебя.

Головы персонала оборачиваются, наблюдая за нами, я игнорирую их всех, но Лана, кажется, встревожена их взглядами. И снова у меня появляется это незнакомое желание оградить и защитить ее. Управляющий банка замечает нас и спешит ко мне. На его лице застывает какое-то странное выражение, помесь запора с горем, он без сомнения до умопомрачения обеспокоен, что я не оставил ему шанса польстить мне. Я поднимаю палец, и он резко останавливается. Толкаю тяжелую дверь, и мы выходим на летний воздух. Стоит по-прежнему серый день и слегка моросит.

Мы поворачиваемся лицом друг к другу и у нас происходит небольшой разговор, но внезапно слова застревают в горле, мы только поедаем друг друга глазами. Синева ее глаз прямо проникает в мое тело и с силой вытягивает мою душу, словно голодный ястреб. Эта сила невероятна. В таких когтях я чувствую, что теряю былую хватку. Порыв ветра поднимает мои волосы и бросает их на лоб. Она протягивает руку, чтобы убрать их, но я дергаюсь назад, если я позволю ей дотронуться, то не выиграю так легко.

— На этот раз ты не одурачишь меня, — выплевываю я.

Мы в упор внимательно смотрим друг на друга. Она поражена моим презрением. Ее рука безвольно падает, и вдруг она выглядит такой юной и невыносимо измученной. Она смотрит в сторону автобусной остановки.

— Тогда увидимся завтра, — в уличном шуме ее голос едва слышен.

— Том здесь, — говорю я, завидев подъехавшее Bentley, припарковавшееся у тротуара.

Она отрицательно качает головой.

— Спасибо, но я поеду на автобусе.

— Том довезет тебя, — настаиваю я.

— Нет, — огрызается она. — Наш контракт не начнется до завтрашнего дня. Поэтому сегодня я буду решать, на каком транспорте мне ехать, — она отстраняется подальше от меня, собираясь уйти.

Моя рука самопроизвольно моментально хватается ее за запястье.

— Я схвачу тебя и засуну в машину, если это необходимо. Решать тебе.

— Ах, так? Я вызову полицию.

Я смеюсь.

— После всего, что я рассказывал тебе о своей семье — это твой ответ?

Я вижу, что она сдаётся, у нее уже нет сил, чтобы бороться.

— Конечно, кто мне поверит, если я буду утверждать, что Баррингтон пытался заставить меня силой сесть в машину, — она пытается меня умастить. — Пожалуйста, Блейк.

Это не подлежит обсуждению. Как бы она не просила, но на автобусе она не поедет ни при каких обстоятельствах. Я знаю, как переиграть ее намерения.

— Ну, хорошо. Том поедет с тобой на автобусе.

В этот момент она перестает спорить, просто разворачивается, открывает дверцу машины, садится, с грохотом захлопывает ее, и смотрит прямо перед собой.

Том оборачивается и говорит ей что-то, она отвечает, пока автомобиль отъезжает.

Я стою на тротуаре, смотря вслед автомобилю, желая, чтобы она обернулась и посмотрела на меня. Сейчас, Лана, сейчас. Если она посмотрит на меня перед тем, как автомобиль скроется из вида, все будет хорошо. Обернись, Лана. Пожалуйста, посмотри на меня. Прошу тебя, обернись и посмотри. Bentley останавливается на светофоре, она поворачивает голову и смотрит на меня. Ее лицо совсем белое и не выражающее никаких эмоций, но внутри меня появляется волна дикой радости. Я хочу выбросить руку в верх в воздух, в жесте победителя. Никогда в жизни я не испытывал таких сильных эмоций, струящихся по моему телу.

Потом происходит самая невероятная вещь.

Возможно, это результат адреналина, бушующего в моей крови, и та сила эмоций, которые я никогда не разрешал себе проявлять, или, возможно, это шок от того, что увидел ее снова, но я словно перенесся в другое место из Килбурн-хай-Стрит с плохо одетыми людьми, проходящими мимо меня.

Мне пять лет, и я нахожусь один в ужасной комнате, освещенной только одной голой лампочкой. Я смотрю вниз на свои руки, покрытые кровью. Моя рубашка, шорты, ноги, даже пол вокруг меня красный от крови. Кровь не свежая: моя рука сжимает нож. Нож тоже не мой, так же, как и кровь. Я разжимаю руку и нож с грохотом падает на пол. Я перевожу глаза с блестящего клинка, но понимаю, что мне стоит туда смотреть, но я позволяю им скользить по цементному полу. Пока...

Не наталкиваюсь на то, что я совершил.

Я сделал это!

Нет. Этого не может быть.

Я открываю рот и хочу позвать маму, но ни звука не вылетает. Я кричу и кричу, но никто не приходит, никто не слышит меня.

Никто.

Знакомство Блейка с Сорабом

Я останавливаюсь у двери ванной комнаты, пребывая в полном шоке.

Она смеется, я имею в виду действительно смеется так, как я никогда не видел, чтобы она смеялась со мной. Ее смех похож на фонтан свежей, сладкой воды, бьющей из глубины ее существа. Я в упор смотрю на нее, испытывая желания насытиться, словно был мужчиной, который несколько дней блуждал по пустыне без пищи и воды.

Я не знаю, сколько я так простоял, просто уставившись на нее, на ее живительную воду, которая была так близко и так далеко. «Ты не лучше, чем героиновый наркоман, отчаянно нуждающийся в следующей дозе», - надсмехается надо мной внутренний голос. Но в этот момент больше всего я хочу заключить ее в объятия и никогда не отпускать снова.

Что такого было в этой женщине, которой я не мог сопротивляться, даже при том, что совершенно ясно, я не должен доверять ей в будущем, хотя и не мог бросить ее? Медленно, словно во сне, я перевожу свой взгляд на то, чем она так занята, и кто вызывает у нее такой смех, и понимаю, что слышу визг брызг, и залиvistый смех ребенка.

И очевидно она любит это маленькое существо.

Мгновенно, я испытываю ревность к нему, она явно любит его и очень сильно. Ревность не ударяет по мне, как гром среди ясного неба, она становится больше похожей на червоточину, расплзающуюся по всем моим внутренностям. Ощущение настолько отвратительное. Я не хочу ревновать к гребаному ребенку. Я хочу ненавидеть саму ее сущность. Небольшой звук вырвался из моего горла.

Я не планировал это: это было не умышленно.

Она поворачивает голову, и упирается прямо в мои глаза, и я наблюдаю довольно интересно, как она пытается воздвигнуть вокруг себя стену обороны. И мне приходится сдерживаться от смеха. Она слишком мало знает обо мне. Неужели она и вправду думает, что я не смогу разрушить ее стены, и просто остановить все это? Никакие стены не в состоянии сдерживать меня. Я бы разобрал их по каждому гребанному кирпичику. Ничто и никто не может удерживать меня вдали от нее.

До тех пор, пока я говорил, что она была моей и должна делать то, чтобы доставлять мне удовольствие.

— Привет, — она вскакивает нервничая, очень нервничая. И именно нервничать ей и следует. Скрытая нервная дрожь медленно затихает в моих венах. Мне хочется задушить ее. Маленькая сучка. Как она посмела любить ребенка, а не меня?

— Кто это тут у нас? — тихо спрашиваю я, заходя в ванную.

Я вглядываюсь в большие, голубые глаза ребенка, действительно любопытные в своем бесстрашии, и вдруг во мне возникает нереальное ощущение, которое я не чувствовал, пока не заглянул в глаза этого ребенка. Мой мозг не спросил: «Кто ты?» — он спросил: «Кто я?» Я чувствую себя подобно одной из тех черепах в Азии, которым перерезали горло, и они истекали кровью, находясь еще живыми, и совершалось это исключительно для чокнутых людишек, которые делали коктейли из их крови.

Что-то было не так с ребенком, на которого я смотрел. Мои мысли проносились с бешеной скоростью. Малыш беззубо широко улыбнулся, и в это мгновение я все понял. Разрез на моем горле затягивается. Постоянное чувство пустоты и потери отступает.

В моей ванне *был мой сын, и рядом с ним стояла моя женщина.*

Какую-то долю секунды я чувствую вспышку опасности. ОН, как невидимая тень, находится в этой комнате. Поэтому, когда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее, мои глаза совершенно нейтральны, ничего не выражающие. Мы молча смотрим друг на друга.

Я вижу страх, но также и любовь в ее глазах. Как я мог упустить это? Я чувствую бешенство, убийственную ярость на то, что она сделала с нами, но также и дикий скачок радости, что она любит меня. Что она непорочна и поступила, как настоящая мать сохранив ребенка. Исключительно, как мать. Я захотел схватить ее и расцеловать.

— Он много плачет? — наконец спрашиваю я, мой голос мой звучит вполне нормально, даже несмотря на то, что я так впечатлен.

— Нет. Большую часть ночи он спит.

На ее лице отражается облегчение, и я восхищаюсь им. Она, наверное, считает меня дураком, хорошо, потому что это сработает в моих интересах.

— Хорошо, — отвечаю я, кивнув, и потеряв всякий интерес к происходящему, и выхожу из ванной.

Мои ноги несут меня в гостиную, где я прислоняюсь к закрытой двери и прикрываю глаза. Когда я открываю глаза снова, я точно знаю, что должен делать. Я и раньше знал, что эта квартира больше не была безопасной для моей семьи, но, если я попробую их перевезти, то это моментально приведет ЕГО в состояние «боевой готовности». Единственное, что будет способствовать осуществлению моих интересов это тайные действия. До тех пор, пока ОН будет думать, что я не в курсе происходящего, я смогу осуществить свои планы. В противном случае, ОН одержит победу, потому что ЕМУ нечего терять, а я потеряю все. Я звоню деловому партнеру и разговариваю с ним о делах. Двенадцать минут и за это время мой голос ничем себя не выдал.

Я открываю портфель, достаю какие-то бумаги, внимательно просматриваю их, делая пометки, оставляю сообщения для Лауры на утро. Но все это время, лучшая и самая эффективная часть моего мозга, которая совершенно хладнокровна, тщательно планирует будущее. Несколько часов спустя, я вхожу в спальню. Я знаю, что ОН прослушивает и ведет видео съемку. Пусть слушает и дай ЕМУ возможность посмотреть. Все равно ничего особенного ОН не услышит и не увидит. Я тихонько прикрываю дверь. Она уже в постели, и по звуку ровного дыхания, я понимаю, что спит.

Я тихо захожу в соседнюю комнату, детскую, дверь которой осталась приоткрытой. Луч света пробивается из-под двери, ведущей в коридор. Я подхожу к кроватке, наклоняюсь над ним и удивляюсь тому приливу гордости, пробежавшему по моему телу при виде этого маленького спящего комочка. Я продолжаю стоять в полной темноте, сражаясь сам с собой, от сильного желания дотронуться до него, но стискиваю кулаки, не позволяя себе пошевелиться.

Скоро, скоро я признаю его, как моего собственного, но не сейчас.

Завтра, когда это не будет «выглядеть, как нечто странное» я хотел бы прикоснуться к нему. Я прислушиваюсь к своему телу, шепчущему отчетливую фразу, которую я никогда не испытывал – «Любить, не ожидая ничего взамен». И с этим приходит потребность, любой ценой защитить свое. Я не позволю им сделать то, что они сделали со мной и Маркусом. И не оборачиваясь больше на малыша, я покидаю комнату также тихо, как и вошел.

Я сажусь рядом с ней на кровать, и она открывает сонные глаза. Моя красавица. Я люблю ее больше, чем саму жизнь и убью за нее голыми руками. Я наклоняюсь и целую ее нежно и мягко. Она окончательно просыпается, приоткрыв рот приглашая. Поцелуй углубляется, и обнаженный голод между нами, прорывается к жизни.

Итак: Он желает посмотреть меня с моей женщиной. Позволю ему. Смотри пока я тебе разрешаю, папа. Я знаю на что ты способен, но ты не знаешь, на что способен я. Я скольжу пальцами по ее шелковистому телу и тяну за край трусиков, опуская руку между ее ног, там влажно от соков.

— Ты такая влажная, — шепчу я, и вставляю палец внутрь.

Она напрягается.

Я сразу же останавливаюсь.

— Что случилось?

— Ничего, — бормочет она. Я опираюсь рукой на кровать и щелкаю выключателем. От света она моргает, щурится.

Я поднимаю ее платье вверх и переворачиваю на спину. То, что я вижу разрывает меня на части, мне хочется закричать и завывать. Я сделал это с ней!

Блейк видит Руперта, дотрагивающегося до Ланы на вечеринке

Этот бык прямо пришил ее к стене и полностью закрыл своим огромным телом от моего взора. Должно быть прошли только минуты, но у меня было такое чувство, словно всю жизнь я наблюдаю за его широкой спиной и толстой шеей. Мне пришлось всячески бороться с инстинктом, и не двинуться к ним, чтобы разлучить их. Но я стратег, мужчина, который знает, когда следует атаковать, чтобы использовать возможность в своих интересах. Еще нет, но уже скоро. Иногда стоит проиграть битву, чтобы выиграть войну. Поэтому я стиснул зубы и ждал.

Подошла женщина и обернулась вокруг меня, словно змея, положив идеально ухоженные красные ногти на лацканы моего пиджака и лукаво улыбнувшись. Я взглянул на нее и вздрогнул. Я ненавижу, когда женщины так открыто кидаются на меня. В этот самый момент Лотиан передвинул свое толстое тело подальше, и я увидел Лану. Вжавшуюся в стену, с белым

лицом, с размазанной под глазами тушью, и уже припухшими губами.

Наши глаза встретились.

Что за черт, я посмотрел в ее шокированные, незащищенные глаза, и я не почувствовал похоти! Я не хотел ее взять, попользоваться и выбросить, как поступал со всеми другими.

Единственная вещь, которую я отметил в своем теле была совершенно непривычное для меня – потребность защитить. Не себя, а ее. Это было такое же чувство, когда я много лет назад, будучи маленьким мальчиком наткнулся на раненого птенца, выпавшего из гнезда. Я взял его в ладони и согрел внутри своей куртки, принес домой, сделал гнездо и кормил его теплым сладким чаем. После того, как он умер в тот же вечер, я ни разу не испытал это чувство. До сих пор ни разу.

Слегка ошарашенный своей собственной реакцией я наблюдал, как она выбежала из комнаты в своих нелепых туфлях. И неприличные взгляды провожали ее. Ты бы их видел. Ты бы подумал, что она сточная канава для их дерьма. Я презирал мой класс тогда.

В коридоре я увидел ее пошатывающуюся, нетвердую походку по направлению к дамской комнате.

Меньше чем через минуту я убрал красные ногти со своей персоны, принес извинения и направился ждать ее в коридоре. Какого хрена я тут делаю? Но рациональное мышление Блейка заставляло стоять и не двигаться, также, как и другая часть, тайная глубокая часть меня, которую я никогда не выпускал и отказывался даже признавать, не то, что заставить действовать. Я скрестил руки на груди и стоял в ожидании, прислонившись к стене.

Когда она вышла, я почти не узнал ее. Под слоем плохо нанесенного макияжа скрывалось почти лицо школьницы. Черт возьми, лучше б она не была несовершеннолетней, иначе все мои планы можно спустить в унитаз. Я выпрямился ожидая, что она подойдет ко мне. Она больше не плакала, ее голова была высоко поднятой, прекрасные бирюзовые глаза смотрели с гордостью, не мигая, и она явно прошла бы мимо меня, если бы я не поднял палец, задержав ее.

Интервью с Блэйком Лоу Баррингтоном

Вопрос: Что вы думали или чувствовали, когда приблизились к столику Руперта Лотиана, за которым сидела Лана?

Ответ: Возможно уверенность. План был прост, успех гарантирован: когда имеешь дело с психопатом всегда обращаешься к его нарциссизму. Этот же план не работает с социопатами, потому что они отличаются друг от друга, но с психопатами это беспроигрышный вариант. Пригласите его на вечеринку в высшее общество, и он расстелится перед вами, и будет сводничать, почувствовав свою значимость.

Очевидно, как только я увидел его и девушку на вечеринке, то решил импровизировать в зависимости от того, как будут развиваться события. Не было еще женщины, которую бы я хотел и не получил, поэтому я полностью был уверен, что эта девушка окажется у меня в постели.

Однако, то, что я услышал, подходя к их столу заставило меня улыбнуться. Все было даже гораздо проще, чем я думал, поэтому это был проверенный сахарный сценарий, типа помани

младенца леденцом и пойдет с тобой на край света.

Вопрос: Почему вы так упорно предлагали завышенную цену Лане?

Ответ: Я говорил себе, что это просто секс, но мне следовало догадаться уже тогда, что это далеко не так. Кого я хотел обмануть? Просто секс? С ней? Его никогда не будет достаточно. Видно, какая-то часть меня, должно быть признала в ней мою сирену, искусительницу, о которой предупреждал меня мой отец. Специально выбранной для меня, чтобы поставить меня на колени. Но в тот момент я словно мотылек, беспомощно летел в сторону пламени, я просто хотел ее света, больше, чем что-либо еще...

Вопрос: О чем вы думали тогда, когда впервые поцеловали Лану?

Ответ: Ты хочешь спросить меня, что промелькнуло у меня в голове во время первого поцелуя?

Вопрос: Да. Некоторые читатели интересуются, о чем вы думали?

Ответ: (хихикает)...Мысли? Голова была полностью пустой, ни одной мысли. Я никогда не целовал ни одной девушки, которая заставила меня так реагировать на ее губы и тело, мне пришлось прикладывать усилия, чтобы держать себя в руках.

Вопрос: Можете поделиться с нами о ваших настоящих чувствах, когда вы занялись сексом с ней в первый раз?

Ответ: Она меня взбесила в ресторане, поэтому я решил не идти по пути «цветочно-конфетных» отношений, а просто относиться к ней, как к очередной шлюхе. В конце концов, я заплатил за нее и у нас была договоренность. Причем, она сама сказала, что не хочет «цветочно-конфетной» стадии, поэтому я собирался просто трахать. Но потом я узнал, что она девственница, а остальное вы знаете...

Вопрос: Вы помните свое первое впечатление о Билли, лучшей подруги Ланы?

Ответ: На самом деле я никогда не встречал таких раньше, как она, женщина с тату паука на шее! Возможно, я видел фотографии таких женщин, но никогда не был с ними знаком лично. Она одновременно шокировала и поразила меня своим здравомыслием... и своей верностью Лане, которая, если честно, удивляла и впечатляла. Она действительно уникальна.

Вопрос: А, каковы были ваши ощущения, когда вы познакомились с Джеком?

Ответ: Я сразу же понял, что он влюблен в Лану, и мне это совсем не понравилось, но поскольку, Лана его чуть ли не боготворила, я ничего не сказал. Оставил его в покое и стал ждать, как будут развиваться события.

Вопрос: Можете описать моим читателям, что вы чувствовали, когда Лана прибыла к «Мадам Юла»?

Ответ: Первая реакция: чистое возбуждение. Не мог дождаться, чтобы раздеть ее. Снять с нее блузку цвета электрик и кожаные брюки, все мое тело испытывало мощное ощущение собственности. Именно в этот момент, она стала моей, и чем больше я пытался сопротивляться этому чувству, тем сильнее я хотел ее.

В ту ночь я хотел попробовать всю ее своими губами, телом, членом. Я хотел находиться внутри ее.

Вопрос: А, второй раз у «Мадам Юлы»?

Ответ: Совершенно другие чувства. Я был очень зол на нее, и хотел мести, и все же понимал, что существует нечто большее, намного большее. Как только она вошла в дверь, окружающее перестало существовать, я только ощущал, как что-то невидимое притягивает всего меня к ней, до такой степени, что мне захотелось схватить ее за волосы, затащить обратно в апартаменты и трахать до тех пор, пока она не сможет ходить.

Вопрос: Что вы реально почувствовали в тот момент, когда обнаружили, что Лана девственница?

Ответ: Шок. Я ощутил шок. У меня никогда не было девственниц, и когда она заплакала...это привело меня в замешательство.

Вопрос: В замешательство?

Ответ: Да. Я был настолько поражен сильным желанием, но совершенно чуждым для меня, успокоить ее и удержать. Я не должен был испытывать такие эмоции, поскольку она предназначалась быть исключительно секс-игрушкой. Три месяца, может, четыре, шесть – это предел. Страстное желание удержать кого-то, кому вы заплатили деньги и можете использовать по своему усмотрению, и в моей голове звонил постоянно набат колоколов предупреждения.

Вопрос: Какие мысли посетили вас, когда вы встретились с матерью Ланы?

Ответ: Она была очень милой, хорошо образованной, и явно очень сильно любила свою дочь. Она мне очень нравилась и мне было жаль, что она умерла. В ней было мужество и храбрость, у Ланы тоже присутствует это качество, которое я очень ценю в человеке.

Вопрос: Когда вы поняли, что ваши чувства к Лане изменились?

Ответ: Наверное, это случилось сразу же, но я просто долго не мог понять этого, или, скорее всего, не хотел признавать их.

Вопрос: Что вы почувствовали в то первое утро, проснувшись вместе?

Ответ: Утро после ночи секса всегда скучное, но я окунулся в запах ее волос и тепло ее кожи, у нее самая удивительная кожа, как у младенца мягкая и шелковистая, и я остался.

Вопрос: Когда Лана вернулась и заявила о своей любви, что вы подумали?

Ответ: Что бы вы подумали, если бы кто-то взял деньги, чтобы оставить вас, пока вы лежите в бессознательном состоянии в больнице, и за все время ни разу не связался с вами снова, а потом появился и стал утверждать, что любит. Что бы вы подумали? Правильно. Я тоже так же подумал, что она врет, и я ненавижу ее за то, что она сделала, но при этом все равно хотел.

Вопрос: Какое чувство преобладало, гнев или возмездие, когда вы встретили снова Лану в банке?

Ответ: Сначала гнев, который к середине встречи перешел в возмездие. И потом, когда она оплакивала смерть своей матери, нежность, но она быстро перешла в ярость. И когда она согласилась завершить контракт, чистый триумф. Я вернул ее... туда, куда хотел.

Вопрос: Как вы справляетесь с тем, что выбрали Лану между своим отцом?

Ответ: Иногда мне снятся кошмары — я нахожусь в самолете с моим отцом. Ему около тридцати, его волосы еще не седые, и он стройный и высокий. Он спокойно ест шатобриан с беарнским соусом и чипсы.

«Ты предал меня», — говорит он, вытирая рот салфеткой. — «Тебя ждет та же участь».

И в боковой плоскости самолета появляется дыра, которая засасывает его, у него на лице застывает выражение неопределимого ужаса. «Твой сын сделает с тобой тоже самое, что ты сделал со мной».

И я просыпаюсь в холодном поту.

«Одурманенная» # 3

Стук в дверь Lanesborough Suite четкий и громкий. Я бросаю взгляд на часы — очень пунктуально. Мне нравится это. Я открываю дверь и... Моя, моя, она красавица: длинные до пояса прямые светлые волосы, великолепные большие глаза и алые губы. Лана почти никогда не красит губы такой красной помадой. Она одета в длинное, белое пальто с поясом на талии и очень, очень высокие каблуки. Они напоминают мне туфли Ланы, которые она надевала в тот первый вечер, когда я встретил ее.

Она жуёт жевательную резинку, я ненавижу это. Она должно быть насмотрелась слишком много фильмов о добропорядочных проститутках. Я вытягиваю руку, ладонью кверху и жду. Мгновение она бестолково смотрит на меня. Я поднимаю брови, и она поспешно вынимает жвачку изо рта и кладет ее в мою руку, потом она вопросительно смотрит на меня и нахально накрывает своей ладонью мою.

— Ты не хочешь пройти первой? — спрашиваю я, забавляясь, но не показывая этого.

— Конечно, — говорит она и проходит мимо. Ее акцент несколько странный, она должно быть создала его искусственно, она проходит вперед.

Я закрываю дверь и смотрю на ее спину, у нее хорошая походка. Мне нравятся женщины,

которые могут двигаться с грацией. Она останавливается перед кофейным столиком, на котором стоят свежие фрукты и бутылка шампанского в ведерке со льдом, и поворачивается ко мне лицом. Какое-то мгновение я рассматриваю представшую картину — она вписывается в соответствующий английский декор, состоящий из традиционных принтов и ситца, переплетающийся со смелым ядовито-зеленым и розовым от Скиапарелли.

— Прости, как тебя зовут?

— Румер.

Я улыбаюсь, имя ей подходит именно такие как она и способствуют сплетням. Хотя имя явно ненастоящее.

— Бокал шампанского?

Она выставляет одну ногу вперед, это выглядит невероятно эротично.

— Я хотела бы в первую очередь получить всю сумму.

Я не реагирую на провокацию.

— Деньги под лампой.

Она бросает взгляд на аккуратную стопку денег, и расстегивает пальто, бросив его на диван позади. На ней одето очень короткое белое платье. Не произнеся ни слова, она отворачивается от меня и изгибается в талии так, чтобы ее задница теперь выпирала вперед, и ее юбка задирается кверху по гладким бедрам, и я мельком замечаю другую вещь, которую указал — киску без единого волоска, уже припухлые губы и покрасневшие, и замечаю скапливающуюся влагу.

Я сразу же становлюсь жестким, как ад.

Застыв в такой позе, она медленно пересчитывает деньги. Я сдерживаю сильное желание протаранить ее, пока она ведет свой счет. Она кладет последнюю банкноту наверх кучки и поворачивается ко мне.

— Все точно?

— Ага, — медленно отвечает она, ее искусственный акцент претерпевает еще одно изменение.

— Все правильно.

Я устремляюсь к ней и кладу руку между ног, которые она услужливо раздвигает шире, и мои пальчики начинают играть с влажной плотью.

— Итак, Румер, что мне делать с тобой?

— Мистер Баррингтон.

— Блейк, — твердо говорю я, продолжая исследовать шелковистые, влажные складки.

Соблазни меня # 4

1

— Как насчет БДСМ? Ты собираешься меня чему-нибудь учить?

Он смотрит на меня поверх края своего стакана.

— Зачем? Тебе интересно стать сабмиссивом?

— Я не знаю, смогу ли. Что это такое?

— Это игра.

— Я люблю игры. Нужно попробовать и я скажу тебе, нравится ли мне это.

Он перестает улыбаться, его глаза меняются, темнеют. Совершенно сознательно он вытягивает руку, наклоняет бокал и позволяет вину вылиться на стол. Я смотрю, как на столе увеличивается лужица. Бокал полностью становится пустым. Я перевожу взгляд на него, его глаза смотрят настороженно, не выражая никаких эмоций. Повисает тишина, и я разрушаю ее первой:

— Ну?

— Сотри это, — говорит он.

— Что?

— Мне не нужно повторять, не так ли? За этим последует наказание.

Мгновение я чувствую себя в замешательстве. Это именно та вещь, из-за которой на каждого одевают ошейник? Хочу ли я быть его маленькой рабыней? Ответ очевиден и приходит мгновенно. Не хочу. Наверняка не хочу. Но я разрешу ему поиграть немного и посмотрю, куда эта маленькая игра приведет. Я тянусь за бумажными полотенцами.

— Не полотенцем, — его голос резкий, словно удар хлыста.

Я медленно поворачиваюсь к нему, наши глаза сталкиваются в своих эмоциях, в его — явно читается нетерпение. Что он хочет от меня? Чтобы я вылизала стол своим языком? Сама мысль уже несексуальна и отталкивающая.

— Чем?

Он откидывается назад и скрещивает руки на груди.

— Своей киской.

И вдруг я мгновенно становлюсь вся мокрая. Сама идея шокирующая, но невероятно, невероятно эротична. Я снимаю трусики и сажусь на стол, слегка разведя свои ноги, чтобы он мог видеть, как я медленно скольжу промежностью по разлитому вину, что-то мелькает в его глазах, пока я продолжаю медленно вытирать всю жидкость, и в какой-то момент я останавливаюсь и поднимаю на него глаза.

Он медленно кивает.

— Ты, — говорит он, и с легким оттенком восхищения в голосе, — превосходная ученица. Ты никогда не делать больше, чем тебе говорят.

Я ничего не отвечаю, удерживая себя в таком положении.

— А теперь раздвинь ноги, — приказывает он.

2

Я стою перед дверью в спальню мастера, которую он оставил слегка приоткрытой. Делаю глубокий вдох и открываю ее. Свет приглушен. Он снял галстук, расстегнул несколько пуговиц, и полулежит на постели, ожидая меня. Он поворачивает лицо, как только я вхожу. На мгновение я пораженно замираю — кровать покрыта красными атласными простынями, как я и хотела.

Я закрываю дверь и нажимаю на четвертый переключатель с левой стороны. Прожектор освещает шест. Его глаза перемещаются к шесту, потом возвращаются ко мне, пока я иду к стереосистеме. Мой CD по-прежнему стоит первым. Я включаю его и подхожу к кровати, его взгляд полностью прикован ко мне. Пока он не появился, я спала, но сейчас я проснулась. Не улыбаясь, я расстегиваю мой халат, который спадает к моим сапогам.

Туда, туда в прыжок страсти. Он хочет меня, и мне необходимо это видеть — тлеющие угли в затухающей золе.

Вступает музыка. *Эль танго де Роксан.*

Сначала пианино, потом резкие звуки скрипки. Громкие аплодисменты. Более мелодично звучат скрипки, затем вступает хриплый, прокуренный голос, разрезающий: мужчина, который влюбляется в нее. Сначала было желание. Потом. Подозрение, сменяющееся гневом. Предательство. Ревность, да, ревность съедает вас, и может увести вас и свести с ума! Ядвигаюсь прямо к шесту уверенной и изящной походкой, как испанская танцовщица. Соблазнительница.

Я подтягиваюсь на шесте в тот момент, когда раздается хрипчатый горловой громкий крик «Роксаннна», выполняю идеальный поворот вокруг шеста, крепко удерживаюсь, и бросаю себя в энергичную низкую воронку, крутюсь вокруг шеста, из-за чего мои волосы летят в лицо. Приземлюсь с широко разведенными ногами, изгибаюсь и по кошачьи подползаю к шесту. Делаю переворот назад на руках, ноги приземляются в виде V-образной позиции и вытягиваюсь всем телом к шесту, ухватившись за него обеими руками, я начинаю поднимать себя вверх, вися вниз головой.

«Ты не должна надевать красное».

Мои руки двигаются вверх, перехватывая шест и подтягивая себя выше, в то время, как моя голова опущена к полу, словно созревший стебель пшеницы на ветру. Мои движения элегантны и полны красоты, потому что я видела их. Это как балльные танцы — вся грация происходит от того, насколько погружается танцор в танец, прежде, чем сделать следующий шаг.

«Ты не должна одевать это платье сегодня вечером».

Я добираюсь до самого верха, в тот момент, когда комната наполняется скрипучим голосом «Роксанннааааа». Зажимаю стальную палку своими бедрами, холодный металл прижимается

к моей киске, и я нахожусь высоко над ним, резко отпускаю руки и разрешаю своему телу скользить вниз, спина прямая, вниз головой, и мои волосы струятся водопадом локонов.

«Ты не должна по ночам продавать свое тело».

Впервые с тех пор, как я начала танец на шесте, наши глаза встречаются и не могут оторваться друг от друга. В его глазах полная темнота, но я замечаю другое и это заставляет весь воздух выйти из моей груди. Взгляд бушующих глаз Баррингтона полон невыносимого голода, но там есть что-то еще, что-то такое темное и обнаженное. Сильное желание, которому невозможно сопротивляться и пытаться обуздать его. Любая попытка сделать это сродни безумию.

mir-knigi.org